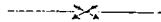

А. И. Леманъ

КНИГА О СКРИПКѢ

СЪ РИСУНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ

СОБСТВЕННОСТЬ ИЗДАТЕЛЕЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Тип. Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“. Зртелевъ. 13

1914

Оглядываясь на то, что я сдѣлалъ, я вижу, что труды мои были нечеловѣческіе. И скрипки мои тоже нечеловѣческія, а потому ихъ нельзя цѣнить на деньги. Если тотъ, кто ихъ имѣеть, знаетъ, что у него въ рукахъ, онъ съ ними не разстанется. А если онъ не понимаетъ, то кто-же объяснитъ ему значеніе того, что онъ имѣеть.

Анат. Леманъ.
Седьмая Симфонія, стр. 32.

**А. И. Леманъ съ младшими синовьями Матвѣемъ и Олегомъ,
автомъ на дачѣ.**

Отъ издателей.

Приступая къ изданію «Книги о скрипкѣ № 8», мы имѣли цѣлью удовлетворить справедливыя требованія лицъ, подписавшихся на нее еще при жизни нашего покойнаго отца, а также и всѣхъ почитателей его великаго таланта, интересующихся подробностями его жизни и смерти, не говоря уже о томъ, что, желая по мѣрѣ силъ продолжать начатое Леманомъ, мы рѣшили, время отъ времени, выпускать книги о скрипкѣ и использовать богатый запасъ матеріаловъ, собранныхъ и написанныхъ Леманомъ. Нѣкоторые любители, какъ можно судить изъ ихъ запросовъ, ждутъ въ 8-ой книгѣ полной біографіи Лемана. Трудъ этотъ слишкомъ серьезенъ и сложенъ, чтобы можно было его выполнить теперь же. Ему долженъ быть посвященъ отдѣльный томъ, достойный Лемана.

Литературную часть изданія и авторскую корректуру мы поручили матери нашей, извѣстной писательницѣ Марку Басанину, вѣря, что все будетъ исполнено съ присущими ей талантомъ и добросовѣстностью.

Не имѣя средствъ, чтобы немедленно широко и полно претворить въ жизнь идеи великаго Лемана, вооруженные только тѣми способностями, которыя отпустила намъ судьба, и доброй волею, мы съ чувствомъ глубокаго горя, и не безъ горечи, думаемъ о томъ, что Леману не удалось осуществить свою завѣтную мечту — создать рациональную и художественную школу скрипичнаго искусства въ Россіи. Не удастся это, пожалуй, и намъ безъ сочувствія и поддержки общества. Ихъ искалъ всю жизнь Леманъ, и къ нимъ же взываетъ со страницъ своего «Завѣщанія» и «Проекта перваго Инструментально-Музыкальнаго училища».

*Анат. Анат. Леманъ.
Маркъ Анат. Леманъ.*

1914 года, 12 января. Спб.

Вступленіе.

Все, что хотѣлъ и могъ сдѣлать Леманъ своими руками, онъ сдѣлалъ. Скрипки, созданныя имъ — дивныя созданія искусства, высоко художественныя произведенія, подобныя прекрасной картинѣ или статуѣ.

И судьба его скрипокъ — судьба такихъ произведеній.

Пройдутъ годы, и люди болѣе тонкіе, болѣе чуткіе и еще больше насъ успѣвшіе убѣдиться въ томъ, какой рѣдкій и мимолетный гость на землѣ — гений, — будутъ цѣнить ихъ на вѣсъ золота, будутъ искать ихъ, оспаривать, прятать ихъ въ музеи и осыпать похвалами того, кто накопилъ для нихъ столько высокыхъ наслажденій, и чья жизнь была сплошнымъ подвигомъ, тернистымъ путемъ, исполненнымъ мукъ, обидъ и лишеній.

Но и великихъ радостей тоже. Тѣхъ радостей, которыя знакомы только высокому творчеству великаго сердца и глубокой мысли.

Лемана нѣтъ. И мы, наследники его рѣдкаго богатства, неувѣренно и робко беремся за руль той ладьи, въ которой до сихъ поръ мы были только гребцами, и которая теперь осталась безъ кормчаго.

Настоящее такъ печально, будущее такъ неясно...

Но хочется вѣрить, что дѣло Лемана будетъ шириться и расти, и что нѣжный и драгоценный ростокъ насажденнаго имъ въ Россіи благороднаго искусства не заглохнетъ, растоптанный ногой равнодушнаго зѣваки, а привлечетъ новыя, свѣжія силы, новыхъ работниковъ-художниковъ.

Маркъ Басанинъ.

Завѣщаніе.

Вокругъ итальянской скрипки вьются дурныя страсти.

И чѣмъ скрипка дороже, тѣмъ страсти низменнѣе.

Береги свои чистыя руки.

Не будьте жестоки къ скрипичнымъ мастерамъ.

Будьте строги къ себѣ.

Артисты! Надъ вами тяготѣетъ тяжелое обвиненіе: вы уничтожаете талантъ мастеровъ, вы не даете ему развиться.

Вы обрекаете молодого мастера на позорное существованіе, заставляя его чинить, чинить безъ конца ветхую дрянъ, лишая его своей индивидуальности.

Сколько старыхъ ничтожныхъ скрипокъ оживлено свѣжимъ талантомъ молодого мастера!..

И этихъ мастеровъ никто не знаетъ.

Міръ развивается вѣчно и безостановочно.

Не можетъ человѣкъ XVII вѣка по мозговой работѣ равняться и даже превосходить человѣка XX столѣтія.

И потому талантъ древнихъ мастеровъ долженъ уступить, по силѣ вещей, таланту новыхъ мастеровъ.

Но вы не видите этого.

Вы ослѣплены.

Корысть увлекаетъ васъ овладѣть за безцѣнокъ итальянской скрипкой, чтобы овладѣть капиталомъ, который она представляетъ.

Стыдитесь такихъ побужденій.

Не мѣшайте служеніе искусству съ погоней за наживой.

Вѣдь если одинъ изъ двухъ людей выигрываетъ, то другой столько же проигрываетъ.

Поэтому захватъ за безцѣнокъ дорогой скрипки есть обманъ и насиліе.

Будьте мудры, глядите вдаль.

Стройте школы, учите, заботьтесь о своихъ скрипичныхъ мастерахъ.

Талантъ музыканта — это слишкомъ заурядная вещь.

Талантъ великаго мастера — это алмазъ Далай-Ламы или «Регентъ» вашего Лувра.

Не браните чужія произведенія: только пауки поѣдаютъ другъ друга.

Взаимная брань — это гнойная язва скрипичныхъ мастеровъ.

А. Леманъ.

Мой ученикъ, изучай мои книги.

Въ нихъ все сказано.

Не понимая, уразумѣешь, не умѣя, научишься.

Помни, талантъ развиваетъ самъ себя.

Трудный путь великаго мастера долженъ быть пройденъ имъ самимъ.

Не переставай учиться и учить.

Анат. Леманъ.

Объявленія о смѣрти

АНАТОЛІЙ ИВАНОВИЧЪ ЛЕМАНЪ,

военный инженеръ, писатель и художникъ, тихо перешель въ лучшей мѣрѣ, о чемъ извѣщаетъ друзей и почитателей убитая горемъ семья покойнаго. Панихиды въ 12 час. дня и въ 8 час. вечера на квартирѣ (Екатерининскій кан., 91, кв. 30). О днѣ погребенія особо.

Выносъ тѣла

АНАТОЛІЯ ИВАНОВИЧА ЛЕМАНА

сегодня въ 9 ч. утра, изъ квартиры покойнаго (Екатерининскій кан., 91, кв. 30). Отпѣваніе на Волковомъ кладбищѣ, погребеніе на Литераторскихъ мосткахъ.

Всѣхъ друзей и добрыхъ знакомыхъ, сердечно почтившихъ отбытіе въ вѣчность свѣтлаго и высокаго духа, именовавшагося въ земной жизни

Анатолиемъ Ивановичемъ ЛЕМАНОМЪ,

и выказавшихъ теплое участіе и доброе расположеніе осиротѣвшей семьѣ его, просимъ принять нашу глубокую признательность.

МАРКЪ БАСАНИНЪ и ДѢТИ.

Сегодня, 30-го сентября, въ 12 час. дня на могилѣ усопшаго

АНАТОЛІЯ ИВАНОВИЧА ЛЕМАНА

будетъ отслужена панихида на Волковомъ кладбищѣ на Литераторскихъ мосткахъ.

Некрологи.

А. И. Леманъ.

(Некрологъ).

Анатолий Ивановичъ Леманъ, скончавшійся вчера, былъ разносторонне даровитый человекъ. Его дебютъ на литературномъ поприщѣ въ качествѣ романиста привлекъ общее вниманіе, хотя въ то время (первая половина 80-хъ годовъ) выдвинуться было не такъ-то легко. Но главный талантъ А. И. остался неизвѣстенъ «большой публикѣ». Леманъ занимался изготовленіемъ струнныхъ инструментовъ, преимущественно скрипокъ, и въ этой области достигъ большого совершенства. Знатоки говорятъ, что скрипки Лемана со временемъ завоюютъ славу скрипокъ (и виолончелей) Страдивариуса. Говорятъ также, будто А. И. посчастливилось открыть тайну страдивариусоваго лака, имѣвшаго чуть ли не чудодѣйственную силу.

Скрипка волшебный инструментъ, и не мудрено, если около нея создаются легенды. Пускай прибавится новая легенда — «лемановская». Тѣмъ дольше удержится память о талантливомъ труженикѣ и оригинальномъ художникѣ.

К. М.

А. И. Леманъ.

(Некрологъ).

11-го текущаго сентября въ С.-Петербургѣ безвременно перешель въ лучший міръ Анатолий Ивановичъ Леманъ. Блестяще образованный, инженеръ, врачъ, писатель, спортсменъ и художникъ, онъ двадцать послѣднихъ лучшихъ лѣтъ своей жизни отдалъ «скрипичному вопросу», и огромное, положительное значеніе его, какъ художника-теоретика и мастера смычковыхъ музыкальныхъ инструментовъ, уже признано всемірно. Краса и гордость Россіи, А. И. Леманъ оставилъ болѣе десятка теоретическихъ работъ по послѣдней своей спеціальности, болѣе двухсотъ инструментовъ собственноручной работы, ни съ чѣмъ не сравнимыхъ. Крымъ насчитываетъ сравнительно много активныхъ почитателей его таланта, и вѣсть о горестной для русскаго искусства утратѣ для нихъ будетъ вѣстью и о не менѣе горестной утратѣ прекраснаго, душевнаго человекъ.

Русскій лютнисть.

Русскій лютнисть это — только что скончавшійся Анатолій Ивановичъ Леманъ. Большинству читателей само слово «лютнисть» навѣрное непонятно. Это естественно, потому что Россіи чуждо дѣло, соединяющееся съ понятіемъ, вложеннымъ въ это слово. «Лютнисть» — человѣкъ, дѣлающій скрипки и виолончели, но дѣлающій ихъ не грубо ремесленнымъ, кустарнымъ образомъ, а какъ истинный мастеръ, какъ художникъ. Въ старой Италіи XVII и XVIII вѣковъ были такіе мастера-художники: Гаспаро ди-Сала, Страдивариусъ, Амати, Гваданьини и другіе. Теперь почти всюду инструменты дѣлають фабричнымъ образомъ: одемократизировалось искусство, и вмѣстѣ демократизировалось приготовленіе его орудій. Для нѣкоторыхъ инструментовъ огульный, кустарный способъ выдѣлки, хотя бы производящійся и въ фабричныхъ рамкахъ, базразличень. Но онъ не безразличень для такого нѣжнаго, деликатнаго инструмента, какъ скрипка или виолончель, — потомковъ старой лютни. И такую деревяшку, какъ фортепіано, можно было бы индивидуализировать, а не выпускать ее ежегодно тысячами изъ сотенъ фабрикъ этого инструмента. Былъ еще очень недавно такой художникъ-индивидуализаторъ — и представьте себѣ: въ Петербургѣ! Рѣдкая птица среди фортепянныхъ фабрикантовъ всего міра. Каждый инструментъ выходилъ изъ его рукъ инымъ, чѣмъ предыдущій. Онъ никогда не былъ доволенъ своими инструментами, всегда дѣлалъ опыты, которые обходились ему дорого, потому что онъ былъ человѣкъ бѣдный, не имѣлъ поддержки музыкальнаго міра и долженъ былъ продавать свои инструменты дешевле конкурентовъ, — по крайней мѣрѣ, по той же цѣнѣ и ни въ коемъ случаѣ не за ту цѣну, въ какую они обходились ему самому. Онъ разорился, не достигши извѣстности, встрѣтивъ сочувствіе лишь небольшого числа безпристрастныхъ и понимающихъ лицъ, высоко цѣнившихъ его инструменты. Это былъ Германъ Кохъ, фанатикъ своего дѣла и истинный художникъ. Если бы фортепяно могло жить столько лѣтъ, сколько скрипка, то за его инструменты лѣтъ черезъ сто или двѣсти платились бы бѣшенныя деньги, какъ платятся теперь за старыя итальянскія скрипки.

Леманъ, носившій нѣмецкую фамилію, не имѣлъ въ себѣ ничего иностраннаго, что можно было сказать о Кохѣ. Леманъ — русакъ съ головы до ногъ, со всѣми типическими особенностями этой разновидности русскаго человѣка — въ высшей степени талантливый, широко образованный,

открытая душа, мало заботившийся или совсѣмъ не учитывавший практическихъ условій. Онъ не былъ лѣнтяемъ, какъ это случается съ нашими «складными душами». Напротивъ, онъ выдавался своей дѣятельностью, всегда былъ за работою, но никогда не разсчитывалъ, что она дастъ ему. Кровь, горячо бившая въ его жилахъ, его образованіе и умъ, развертывавшіе передъ нимъ такъ много сторонъ жизни, не позволили ему сосредоточиться на одномъ дѣлѣ. Онъ былъ усидчивъ въ работѣ, но легко переходилъ отъ одной деятельности къ другой. Онъ былъ саперъ, писатель, зубной врачъ, оккультистъ, журналистъ и редакторъ, наконецъ лютнистъ. Послѣднее занятіе поглотило всю его душу въ эти 25 лѣтъ; оккультизмъ же, мнѣ кажется, увлекалъ его, потому что онъ нуждался въ поддержкѣ хотя бы инога міра, не находя ея въ здѣшнемъ. Въ постройкѣ своихъ инструментовъ онъ достигъ замѣчательныхъ результатовъ, быть можетъ былъ единственнымъ не только въ Россіи, — гдѣ въ этой области нѣтъ ничего серьезнаго, — но и въ цѣломъ свѣтѣ. Пожалуй нѣтъ хвастовства въ его словахъ, не разъ повторенныхъ въ его книжкахъ и изслѣдованіяхъ о скрипкѣ, что онъ «Мессія этого инструмента», нѣтъ ничего страннаго въ его увѣренности, что онъ въ самомъ дѣлѣ достигъ выдающихся результатовъ въ предпринятыхъ имъ изслѣдованіяхъ.

Но трудно быть пророкомъ въ своемъ отечествѣ, особенно въ наши дни, когда только дерзкая реклама легко беретъ простаковъ въ свои сѣти, падающихъ туда, какъ легкомысленныя птички. Судьба у людей вообще бываетъ разная. Работа и значеніе однихъ раздуваются выше всякой мѣры; всѣ къ ихъ услугамъ, и малѣйшій ихъ жестъ подобострастно отмѣчается услужливыми и просто наивными людьми. О другихъ, напримѣръ, молчатъ даже лица, понимающія значеніе ихъ: неловко говорить при жизни, подождемъ, моль, ихъ смерти. Ошибочный взглядъ, — особенно въ наше время, когда наглость такъ безцеремонно лѣзетъ всюду впередъ, грубо расталкивая толпу, чтобы пробить себѣ дорогу. Передъ этой наглостью ошеломленная толпа снимаетъ почтительно шляпы, вѣря въ ея силу: разумѣется, силенъ тотъ, кто толкается, не обращая вниманія на того, кто молча и скромно дѣлаетъ свое дѣло, хотя бы оно было дѣломъ общей пользы.

Такъ именно было съ Леманомъ. Онъ не искалъ себѣ поддержки въ музыкальномъ и въ журнальномъ мірѣ и не нашель ея. Онъ ли виноватъ, или окружавшая его толпа, — не станемъ разбирать. У него былъ талантъ, была и сила чувства, т. е. именно то соединеніе душевныхъ свойствъ, которое должно было обезпечить ему успѣхъ, дать возможность загипнотизировать толпу, подчинить ее своей власти. Но ничего не вышло, потому что, именно какъ настоящій художникъ, онъ былъ чуждъ практической сообразительности, а безъ нея въ наши дни не обойдешься.

Уже по одному только тому, что онъ былъ единственный человѣкъ въ Россіи, который дѣлалъ и могъ дѣлать хорошія скрипки, музыкальный

нашъ міръ долженъ былъ обратить на него вниманіе. Но онъ былъ слишкомъ глубоко образованъ, прекрасный математикъ, человекъ, который могъ обдумать и выполнить свое дѣло теоретически и практически. По всему этому онъ уже былъ чуждъ музыкальнаго міра, гдѣ сколько-нибудь образованныхъ людей не найдешь и днемъ съ огнемъ, въ особенности въ той области, въ которой онъ занимался. Тамъ, гдѣ онъ былъ профессоромъ, они могли говорить развѣ только эмпирически или путемъ своихъ личныхъ, часто ничего не стоящихъ впечатлѣній, если они были ничтожными натурами и плохими артистами. Это все равно, что Кюри, напримѣръ, говорить о великихъ открытіяхъ химіи передъ невѣжественными школьниками. Отсюда если не прямая вражда, то равнодушіе этого міра ко всему тому, что дѣлалъ Леманъ. Онъ доказывалъ, что новая скрипка можетъ быть такою же хорошею, какъ и старая итальянская, если только ее сдѣлать хорошо: все дѣло именно въ томъ, что новыя скрипки дѣлаются отвратительно или ремесленниками или людьми бездарными, которые хоть имъ коль на головѣ теши, все-таки впередъ не подвинутся. Вообще же, куда дѣваются дѣлаемые въ Россіи новыя скрипки, представить себѣ трудно, кто на нихъ играетъ — неизвѣстно, потому что ужъ совсѣмъ не такъ много у насъ скрипачей и виолончелистовъ. Это тоже, можетъ быть, причина, почему работой лютнистовъ у насъ не интересуются. Скрипки еще недавно стоили очень дешево. Сами мастера ихъ признавались, что если взять за новую скрипку 25—30 рублей, то это великолѣпнѣйшая плата. Въ дѣйствительности они продавали ихъ по 75, по 100 руб. за штуку. Леманъ же сталъ брать за свои скрипки по 200, 300 рублей, а въ послѣдніе годы, если не ошибаюсь, по 1,000 рублей. Такъ какъ спекуляція со старыми скрипками ведется широко, то Леману, безъ связей, съ его новыми, довольно дорогими скрипками, было трудно пробить брешь въ недоувѣрїи къ новымъ инструментамъ. Онъ нѣсколько разъ обращался ко мнѣ, рассказывая о своихъ дѣлахъ, и я, по мѣрѣ силъ и пониманія, не будучи специалистомъ по струннымъ инструментамъ, но хорошо понимая его теоріи, всегда слушалъ его съ интересомъ. При случаѣ я не упускалъ говорить въ печати о немъ и объ его инструментахъ. Но по своей специальности я все же былъ слишкомъ далекъ отъ него. Профессионалисты же виртуозы-скрипачи за нѣкоторыми лишь исключеніями относились къ нему недоувѣрчиво. Это не значило, что они что-нибудь понимали особое въ дѣлѣ. Какъ сказано выше, они могли разсуждать только эмпирически, но практически они вліяли неблагоприятно. Нѣкоторые, — напримѣръ, Губерманъ, — относились чрезвычайно внимательно къ работамъ Лемана, расхваливали его инструменты, но приобрѣли ли хотя одинъ изъ нихъ, не знаю.

Онъ принадлежалъ къ интеллигентной семьѣ. «Мой отецъ, — рассказываетъ онъ въ одной изъ своихъ книгъ «О скрипкѣ» (№ 4), — былъ изобрѣтатель, врачъ, имѣлъ электролечебницу, первую въ Москвѣ, фотографическое

заведеніе и большую типографію. Онъ внесъ много усовершенствованій въ типографское дѣло, занимался альбертотипією, цинкографією. Къ своимъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ онъ относился равнодушно, и благодаря этому у насъ пропало одно изъ замѣчательныхъ его открытій, а именно: окраска матерій при помощи электрическаго свѣта. Эти матеріи получали прочные, яркіе и необыкновенно чистые цвѣта отъ свѣтовой реакціи, но какъ это дѣлалось, я теперь не знаю».

Не мудрено, что, выйдя изъ такой семьи, онъ носилъ въ себѣ задатки, объясняющіе всю его послѣдующую жизнь. Онъ былъ сыномъ своего отца, точно также мало думавшимъ о денежныхъ результатахъ своихъ работъ. Чувствуя свои силы, онъ не смущался тѣмъ, что практика не согласовалась съ его дѣятельностью, и ставилъ себя очень высоко. «Мнѣ постоянно говорили, — пишетъ онъ, — что я разбрасываюсь, что лучше было бы, если бы я сосредоточился на одной какой-нибудь спеціальности, иначе ничего не выйдетъ. Эти слова безусловно вѣрны, когда они относятся къ посредственности, которая такъ бѣдна, что ея едва хватаетъ на что-нибудь одно, но если мы имѣемъ дѣло съ дѣйствительно крупною величиною, тогда говорить о разбрасываньѣ не имѣетъ смысла. Я, на примѣръ, написалъ книгу подъ названіемъ «Теорія билліардной игры». Ну, пускай спросятъ мнѣнія билліарднаго игрока, развитаго, интеллигентнаго, объ этомъ сочиненіи. А мое мнѣніе таково, что черезъ двѣсти лѣтъ никто не напишетъ книги, которая могла бы что-нибудь существенное добавить къ этому сочиненію».

«Три вопроса меня глубоко интересовали въ жизни: воздухоплаваніе, скрипка и оккультизмъ. Я написалъ довольно объемистую рукопись подъ названіемъ «Основанія полета животныхъ». Литература воздухоплаванія была мнѣ хорошо знакома, и наконецъ я сталъ строить модель воздухоплавательнаго аппарата и истратилъ на нее тѣ немногія деньги, которыя заработалъ литературнымъ трудомъ. Я увидѣлъ, что если и остановлюсь на изученіи принциповъ воздухоплаванія, то при томъ равнодушіи общества, которое было къ нему лѣтъ двадцать назадъ, я долженъ буду погибнуть съ голода. Скрипка давала мнѣ возможность заниматься одновременно и другимъ трудомъ, доставляющимъ мнѣ средства къ существованію. Такъ я и занимался скрипкою до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, что пришло время поставить это дѣло на первый планъ».

Начавши спеціально работать надъ изготовленіемъ скрипокъ, къ чему онъ былъ подготовленъ не только эмпирически, но и теоретически, онъ нашелъ многое изъ того, что считалось утраченнымъ, на примѣръ, составъ старыхъ итальянскихъ лаковъ, стройку декъ, законы ихъ сопротивленія и т. д. Отсылаю читателя, интересующагося этимъ дѣломъ и вообще исторією жизни русскаго, безспорно талантливаго человѣка, къ его книгамъ о скрипкѣ, которыхъ у него не менѣе восьми. Въ нихъ попутно разсѣяно не

мало интересныхъ подробностей всякаго рода, какъ техническихъ, такъ и касающихся психологіи человѣческой души вообще и въ частности нашего музыкальнаго міра. Для тѣхъ, кто хочетъ основательно познакомиться съ закулисными подробностями жизни послѣдняго, особенно указываю на книгу «Седьмая симфонія». Было бы очень хорошо, если бы поговорили по поводу ея содержанія всѣ, къ кому она относится, и тѣ, кому вѣдать о семъ надлежитъ. Это немножко поздно, потому что автора уже нѣтъ въ живыхъ, и онъ не будетъ защищать своихъ обвиненій. Но высказаться о ней все-таки приходится.

Проработавши лѣтъ двадцать надъ изготовленіемъ скрипокъ, онъ объѣхалъ Европу съ цѣлю ознакомиться съ инструментами всѣхъ выдающихся современныхъ лютнистовъ. Впечатлѣніе его было пессимистическое для нихъ и горделивое по отношенію къ себѣ. «Всѣ ихъ произведенія, — говоритъ онъ, — не что иное, какъ фабричныя издѣлія въ сравненіи съ тѣми скрипками, которыя я уже могъ дѣлать. Я видѣлъ, что говоритъ мнѣ съ Бизьякомъ или Сильвестромъ не о чемъ, потому что, если бы они пробыли у меня двадцать лѣтъ подмастерьями, то и тогда бы не достигли десятой доли того, что я уже зналъ. Я долженъ сказать, что всѣ эти мастера не выказывали мнѣ враждебности или зависти. Каждый изъ нихъ до того ясно чувствовалъ, что не можетъ быть и тѣни соперничества. Я отмѣчаю эту характерную черту, — добавляетъ Леманъ, — потому, что она заслуживаетъ упоминанія».

Русскіе лютнисты, какъ бы мелки они ни были, относились къ нему, по его признаніямъ, иначе. У нихъ онъ встрѣтилъ недоброжелательство, зависть и всякія дурныя чувства. Западъ, какъ всегда, оказался культурнѣе насъ.

Какъ отнеслись къ нему профессионалы-виртуозы русскаго музыкальнаго міра? Объ этомъ встрѣчаемъ любопытныя указанія. «Вацлавъ Курнаковичъ, концертмейстеръ Придворнаго оркестра, — рассказываетъ Леманъ, — былъ первый изъ профессиональных скрипачей, оцѣнившій по достоинству мои инструменты. Два года онъ уже играетъ въ присутствіи Высочайшихъ Особъ на скрипкѣ моей работы «Непобѣдимой». Не должно думать, что онъ сталъ играть на этой скрипкѣ изъ расположенія ко мнѣ или за неимѣніемъ другихъ инструментовъ. У него прекрасная скрипка Сторіони, Руджіери и др. Онъ играетъ на «Непобѣдимомъ», потому что находитъ это нужнымъ и удобнымъ для себя. Вторымъ солистомъ, скрипачомъ, понявшимъ, что представляютъ мои скрипки, явился Армандо Цанибони. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ съ моими скрипками выступили люди другой культуры, другой націи, которые болѣе любятъ и понимаютъ скрипку, нежели мы. Слѣдуетъ замѣтить, что для мастера, изготовляющаго новыя скрипки, дѣло первостепенной важности, чтобы онъ могъ хоть изрѣдка слышать, какъ звучитъ его инструментъ въ большомъ залѣ, въ духотѣ и съ оркестромъ».

«Сколько разъ я просилъ У. Крюгера сыграть на моей скрипкѣ, Вержбиловича на моей виолончели. Все было напрасно. Мало того: ни Ахронъ, ни Цимбалистъ, ни другіе никакъ не рѣшались выступить съ моими инструментами публично, хотя я могъ уже предложить имъ «Психею», «Изиду» или «Падишаха», которымъ немного соперницъ даже среди самыхъ избранныхъ скрипокъ. Хорошій инструментъ Страдиваріуса не выдерживаетъ сравненія съ «Изидою». Съ этой скрипкой я пробовалъ Страдиваріуса Шимкевича въ Петербургѣ и Р. Живаго въ Москвѣ... Итакъ, ни молодые скрипачи, ни профессора не соглашались выступать съ моими скрипками. Оставалось... ждать. И я дожусь. Особенно ярко отвѣтилъ мнѣ г. Колаковскій: „выступить съ новой скрипкою? никогда!“».

Леманъ умеръ, не дождавшись признанія, котораго ждалъ. Его скрипки находятся въ рукахъ любителей, разсыяны по Россіи, начиная отъ Петербурга и Москвы, кончая Нерчинскомъ и Екатеринодаромъ. Но профессионалы по прежнему къ нимъ не обращаются, за рѣдчайшими исключениями, не потому, чтобы эти инструменты были плохи, а потому, что эти профессионалисты ужъ очень боятся за себя, не довѣряютъ своимъ способностямъ. Они надѣются, что можетъ быть хоть инструментъ обезпечить имъ часть желаемаго успѣха. Но подобно тому, какъ инструменты Вильома, работавшаго въ 40-хъ годахъ во Франціи, теперь уже цѣнятся высоко специалистами, надобно думать, что и инструменты Лемана, — и даже скорѣе, чѣмъ черезъ 60 лѣтъ, какъ случилось съ Вильомомъ, — найдутъ себѣ оцѣнку и будутъ разыскиваться специалистами. Вѣдь стоятъ же въ самомъ дѣлѣ чего-нибудь строго математическія, акустическія и техническія знанія, которыя Леманъ, не въ примѣръ прочимъ лютнистамъ, даже самымъ знаменитѣйшимъ, приложилъ къ своему дѣлу. Надо помнить, что Страдиваріусъ, Амати, Гварнери, Руджіери и другіе старые итальянскіе лютнисты были только эмпириками. Долгимъ рядомъ годовъ, путемъ опыта и, конечно, при помощи таланта они достигли прекрасныхъ результатовъ. Первые же инструменты выходили изъ ихъ рукъ далеко не совершенными. Въ случаѣ же Лемана, кромѣ таланта и опыта, была и наука. Должна же она чего-нибудь стоить! Этого не хотятъ понять профессионалы, о которыхъ съ горечью рассказываетъ въ своихъ книгахъ Леманъ.

М. Ивановъ.

Обезпеченность, конечно, не цѣль Лемана.

Онъ до сихъ поръ ведетъ неустанную борьбу за признаніе своихъ скрипокъ. И ведетъ, широко пользуясь печатнымъ словомъ.

Издавъ цѣлый рядъ сочиненій о скрипкѣ вообще, о своей — въ частности.

Эта фанатичная преданность своему дѣлу все же встрѣчаетъ довольно холодный пріемъ.

Большинство музыкантовъ смотреть на Лемана не то какъ на шарлатана, не то какъ на больного чловѣка.

Но и признавшіе его значеніе немного помогаютъ Леману.

— Моя трагедія въ томъ, — говоритъ Леманъ, — что мои скрипки боятся покупать.

Купленную за ту же цѣну итальянскую скрипку всегда можно перепродать, — скрипку Лемана купить только исключительный любитель.

М.

Болезнь и послѣдніе дни на землѣ

А. И. Лемана.

Приблизительно съ половины ноября 1912 года, мы, близкіе, хорошо знавшіе, до мелочей изучившіе всѣ привычки и повадки Лемана, — въ семьѣ и въ средѣ короткихъ знакомыхъ его любили называть такъ, и самъ онъ любилъ, когда его звали просто Леманъ, — впервые стали замѣчать въ немъ что-то новое, намъ незнакомое, тревожное, волнующее и пугающее.

Былъ онъ всегда мягкимъ, добрымъ, нѣжнымъ и уступчивымъ, и въ причудливой и тонкой артистической натурѣ его плѣнительно и неожиданно-странно сплетались беззаветное мужество, безстрашная отвага и смѣлость съ чертами какой-то женственной, а по временамъ и даже дѣтской, кротости и умильной и трогательной во взросломъ наивности. Точно раскрывался какой-то таинственный, отъ всѣхъ схороненный внутренній уголокъ, алтарь души въ храмѣ гаубокаго пронизательнаго ума и острой и яркой мысли.

Онъ всегда ко всѣмъ относился доброжелательно, а семью страстно любилъ и жертвовалъ ей всѣ свои досуги, принимая живѣйшее участіе во всѣхъ огорченіяхъ и радостяхъ, въ забавахъ, играхъ и спортивныхъ упражненіяхъ дѣтей. День его начинался рано: зимой обыкновенно въ 7 часовъ онъ уже былъ одѣтъ. Вставалъ всегда ясный, полный любви къ жизни и, если видѣлъ, что дѣти еще не поднялись, что обыкновенно бывало, громко затягивалъ свою обычную пѣсенку:

«Дѣти, въ школу собирайтесь,
Пѣтушокъ пропѣлъ давно,
Попроворнѣй одѣвайтесь,
Смотрить солнышко въ окно»...

Не послѣднее удовольствіе представляло для него самому налить каждому изъ дѣтей чаю и непременно по вкусу каждому, а мимоходомъ вызвать взрывъ хохота веселой шуткой, заставить задуматься передъ тѣмъ или инымъ явленіемъ жизни или «развѣсить уши» съ жаднымъ вниманіемъ къ его всегда живому и интересному разсказу.

Весь день Леманъ проводилъ за верстакомъ. Любилъ сидѣть дома, выѣзжалъ рѣдко и неохотно и, послѣ трудового дня, чаще всего отдыхалъ въ семьѣ, занимаясь музыкой, пѣніемъ, пробой своихъ инструментовъ, или атлетическими и гимнастическими упражненіями. Ложился рано, обыкновенно

въ 10 часовъ вечера. Досидѣть до 11-ти позволялъ себѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ, а если ѣхалъ вечеромъ въ театръ (очень рѣдко, не болѣе 2-хъ разъ въ годъ), или въ концертъ (посѣщалъ всѣ безъ исключенія концерты молодыхъ виртуозовъ), — то въ такихъ случаяхъ всегда заранѣе готовился и уже весь день распределялъ такъ, чтобы сберечь свои силы.

Во всемъ своемъ обиходѣ онъ былъ крайне умѣренъ. Личныя траты его были ничтожны. Не курилъ, не переносилъ вина, всегда ѣлъ чрезвычайно мало и скромно и только на одно жаловался съ неподдѣльной грустью, не лишенной комизма, что, несмотря на всѣ свои старанія, не можетъ не увлекаться женщинами, но и это было естественно въ натурѣ, исполненной вкуса къ изящному, тонко воспримчивой къ краскамъ и формамъ, все существо которой рвалось и звенѣло навстрѣчу красотѣ.

И вотъ въ этомъ-то человѣкѣ, такомъ намъ родномъ, близкомъ, понятномъ и въ которомъ намъ все такъ было знакомо и мило, мы почувствовали, да, именно почувствовали, а не увидѣли и не замѣтили, а безотчетно ощутили и больно восприняли сердцемъ, перемену.

Другое лицо, сурово-печальное и чужое, выступило изъ-за милаго намъ лица, и другой человѣкъ какъ бы всталъ за знакомой и родной намъ фигурой и точно поставилъ преграду между нею и солнечнымъ тепломъ и заставилъ краски ея потускнѣть, свѣтлые блики ея померкнуть, а тѣни всѣ углубилъ и сообщилъ имъ мертвенную холодность.

Лицо было то же, и не то, и все шло какъ бы привычно, но вдругъ врывался бурный дисонансъ въ монотонную, баюкающую пѣснь всегдашняго, ежедневнаго. И вдругъ на мгновенье какъ бы раскрывалась дверь во что-то страшное, дикое, необъяснимое, никому невѣдомое.

Любовь къ дѣтямъ стала выражаться болѣзненной нетерпимостью ко всѣмъ и ко всему, что такъ или иначе противодействовало имъ, — достаточно было выговора, простого замѣчанія, чтобы вызвать вспышку неистоваго гнѣва и стремительной готовности стать на защиту дѣтей, какъ будто имъ грозила смертельная опасность. Ко всему явилась повышенная чувствительность. Буйный восторгъ, вызванный маленькой радостью, смѣнялся мрачнымъ припадкомъ отчаянія передъ ничтожнымъ огорченіемъ, и все чаще и ярче давало себя чувствовать недовольство всѣмъ окружающимъ и собой, желаніе уйти отъ самого себя, испобѣдимое отвращеніе ко всему привычному, своему: къ обстановкѣ, къ платью, къ пищѣ. Къ пищѣ, можетъ быть, болѣе всего, но въ общемъ хаосъ чувствъ, переживаній, недоумѣній и опасеній мы объ этомъ еще не догадывались и, наконецъ, ясно и безповоротно мы сознали только одно, что страдаемъ отъ того, что около насъ глубоко страдающей человѣкъ.

Еще ничего не было опредѣленнаго, было только предвкусеніе несчастья, слабое предчувствіе неудержимо надвигающагося невѣдомаго ужаса, но

всѣ радости наши поблѣднѣли, и постепенно выяснилась необходимость искать выхода.

И казалось, что онѣ найдены, какъ только явилась мысль, что это болѣзнь, и въ этой мысли не представлялось ничего ужаснаго, все выходило такъ просто, такъ легко и разомъ разрѣшало всѣ недоумѣнія. Врагъ былъ найденъ, и надо было съ нимъ только бороться. И рисовался этотъ врагъ такимъ слабымъ и не страшнымъ, — вѣдь у Лемана былъ такой цвѣтушій видъ. Онѣ вѣдь безъ тренировки могъ гоночнымъ ходомъ пройти 50 верстъ на велосипедѣ и, состязаясь съ дѣтьми, такъ легко и непринужденно, ничѣмъ не выдавая усилій, игралъ пудовыми гириями, — и безспорно было для насъ всѣхъ, что въ борьбѣ не онѣ будутъ побѣжденнымъ.

Мы воспрянули духомъ, приободрились, стали уговаривать Лемана обратиться къ докторамъ, полечиться, и встрѣтили рѣшительный отпоръ на первыхъ порахъ. И не потому, чтобъ Леманъ не сознавалъ, что онѣ боленъ, но ужъ слишкомъ ничтожной казалась болѣзнь, чтобы съ ней серьезно считаться, когда ей нашли имя. Имя это было — переутомленіе.

Каждый врачъ, знавшій Лемана, привыкшій видѣть его всегда бодрымъ, энергичнымъ и полнымъ силъ, молодымъ, красивымъ и юношески-пылкимъ, приходилъ только къ этому заключенію:

— Слишкомъ много работаете, слишкомъ сильно живете, переутомились, надо отдохнуть. Поѣзжайте куда-нибудь, ничего не дѣлайте, и все пройдетъ.

Печальное и мрачное наступило для насъ Рождество, и особенно остро стало намъ ощутимо присутствіе невидимаго и невѣдомаго намъ жестокаго непріятеля. Рождество Леманъ всегда очень любилъ, ему милъ былъ этотъ дѣтскій праздникъ, и во всемъ, что составляло его ритуаль, его нарядность и блескъ, онѣ принималъ живѣйшее участіе.

Вмѣстѣ съ дѣтьми отправлялся онѣ покупать елку, праздничную провизію, подарки всѣмъ домашнимъ, а когда елка загоралась своими привѣтными огоньками, онѣ шумно и весело дѣлили съ дѣтьми ихъ восторгъ, искренно всѣмъ сердцемъ сочувствуя ихъ радости.

И ужъ, конечно, елка была бы не въ елку, если бы «добрый» и «нашъ милый пѣпъ», какъ звали его дѣти, не поигралъ бы для нихъ на скрипкѣ, не поплясалъ бы съ ними, и, ужъ какъ верхъ удовольствія, не показалъ бы имъ фокусовъ.

Фокусовъ Леманъ зналъ множество, и когда былъ въ ударѣ, показывалъ очень сложные и интересные артистически.

Не такое было это послѣднее Рождество, — Рождество 1912 года.

Елку дѣти купили себѣ сами и разукрасили ее, но ужъ такъ сказать по традиціи и зажгли ее, какъ будто только для маленькихъ братьевъ и ихъ маленькихъ друзей.

И казалась она нарядной и сверкающей, непрощенной и ненужной гостьей, случайно навѣстившей домъ тихой и суровой печали.

Такъ прошли всѣ Святки. И въ первый разъ новый годъ мы совсѣмъ и никакъ не встрѣчали: точно всѣ вмѣстѣ и каждый порознь пришли къ мысли, что никакой встрѣчи новаго года не можетъ и быть.

Никто изъ насъ ясно и положительно не сумѣлъ бы въ то время ничего формулировать, но внутреннее чувство уже работало и руководило дѣйствіями.

Случилось такъ, что отъ главнаго и самаго важнаго общее вниманіе, начиная съ самого Лемана, постоянно отвлекалось другими побочными обстоятельствами, тоже удручающаго характера.

Еще осенью нашъ сынъ Маркъ, упражняясь въ атлетическомъ кружкѣ на тяжестяхъ, разорвалъ себѣ подколенную сумку и связку, ему пришлось перенести сложную операцію, безъ наркотиковъ, такъ какъ сердце, благодаря недавнимъ упражненіямъ на тяжестяхъ, оказалось расширеннымъ, и болѣе мѣсяца онъ пролежалъ. Едва началъ онъ поправляться и вставать, какъ одному изъ младшихъ, Ванѣ, 12 лѣтъ, на футболѣ переломили ногу. Въ домѣ явился новый больной, тоже тяжелый и внушавшій опасенія.

Крѣпкій и сильный мальчикъ скоро выздоровѣлъ и сталъ уже осторожно двигаться по комнатамъ. Нога срослась хорошо, безъ малѣйшихъ признаковъ хромоты, и этому послѣднему обстоятельству особенно бурно обрадовался Леманъ, страшно огорчившійся несчастіемъ съ Ваней.

Но судьба уже протянула надъ нашимъ домомъ свою карающую десницу, и въ то время, какъ мы всѣ радовались выздоровленію Вани, новое горе стоило на порогѣ.

Маркъ, блѣдный и похудѣвшій, только недавно начавшій выходить, вздумалъ отправиться вечеромъ въ свой атлетическій кружокъ. Тамъ онъ былъ желаннымъ гостемъ. Два сезона участвуя въ состязаніяхъ, онъ клалъ на лопатки почти всѣхъ партнеровъ своей формы и заработалъ нѣсколько призовъ.

Едва появился онъ, какъ его окружили.

— А, Леманъ! Вотъ кто намъ можетъ показать что-нибудь интересное.

Его заставили надѣть фуфайку и потащили на арену.

Тамъ нѣсколько человѣкъ старалось вырвать вѣсъ своего тѣла, и конечно безуспѣшно.

Маркъ и всегда вѣсилъ мало, вѣсъ его на спеціальному жаргонѣ назывался «вѣсъ пера», а послѣ болѣзни онъ еще много потерялъ.

Его тутъ же свѣсили и убѣдились, что вѣситъ онъ 3 пуда 30 фунтовъ.

Маркъ чувствовалъ себя слабымъ и нетвердо держался на ногахъ, но спортивный азартъ, веселая, бодрая и шумная суета, привычная любимая обстановка сразу захватили его и покорили себѣ.

Онъ вышелъ на арену и принялся играть гириами, переходя отъ болѣе легкихъ къ тяжелѣйшимъ.

Кругомъ стоялъ одобрителный гулъ, который дразнилъ и пьянилъ его, и гулъ этотъ перешелъ въ ревъ, когда онъ вырвалъ 5 пудовъ 30 фунтовъ.

Но ноги измѣнили ему, онъ покачнулся и сталъ падать на спину, не выпуская, однако, гири и стараясь удержать ее на вытянутой рукѣ.

Два товарища, поставленные одинъ спереди, другой сзади, чтобы быть готовыми поддержать его въ критическій моментъ, такъ какъ въ этомъ упражненіи всегда есть опасность, что тяжесть перевѣситъ тѣло, растерялись и отступили, да и всѣ кругомъ пришли въ смятеніе: у многихъ явилось подозрѣніе, что Маркъ переломилъ себѣ спину и болѣе не встанеть.

Анатолій Анатоліевичъ Леманъ,
преподаватель гимнастики и легкой атлетики.

Всѣ до того растерялись, что среди довольно многочисленнаго общества, гдѣ былъ и врачъ, не нашлось никого, кто бы подалъ Марку первую помощь.

Очнувшись отъ недолгаго обморока, онъ поднялся, какъ былъ, въ фуфайкѣ, съ голой шеей и руками, спустился въ переднюю, приказалъ швейцару накинуть себѣ на плечи пальто и, очутившись на улицѣ, пѣшкомъ дошелъ до Александровской больницы, гдѣ его хотѣли положить до обхода на другой день дежурнымъ врачомъ, такъ какъ было уже 12 часовъ ночи. На это Маркъ не согласился и пѣшкомъ пришелъ домой.

Отецъ тотчасъ же повезъ его въ ту же Александровскую больницу на квартиру къ хирургу И. П. Виноградову, лечившему Ваню и такъ искусно

поставившему его на ноги. У Марка оказался переломъ кисти правой руки и вывихъ въ локтѣ.

Рука скоро срослась тоже удачно, и Маркъ поправился и поздоровѣлъ.

Атлетическій кружокъ прислалъ ему призъ. Онъ, какъ ребенокъ, радовался ему, хотя и говорилъ, посмѣваясь, подбрасывая на ладони тонкую серебряную бляху:

— Это за сломанную-то руку?! Фальшивый рубль съ дыркой?!

Близились къ концу Святки, подошло Крещеніе, и всѣ мы были рады, что прошли праздники, для насъ въ этомъ году такіе невеселые.

Казалось, что будни принесутъ съ собой какое-то успокоеніе, манила надежда, что съ ними начнется то обычное, то «какъ всегда», въ которомъ нѣтъ мѣста праздничнымъ снамъ и обманнымъ утѣхамъ, и отъ котораго не ждешь ни хорошихъ, ни плохихъ сюрпризовъ. Всѣ бѣды казались уже исчерпанными.

Леманъ обращался къ нѣсколькимъ докторамъ, и всѣ пришли къ одному заключенію, всѣ продолжали настаивать на томъ:

— Нервы... Переутомленіе. Въ общемъ прекрасное здоровье, удивительно сохранившійся организмъ.

Казалось, и съ этой стороны не было опасности.

Но въ самое Крещеніе старшая дочь наша вернулась съ бала съ охрипшимъ горломъ и головной болью. На другой день ее лихорадило и она стала жаловаться, что больно глотать.

Я рѣшила смазать ей горло іодомъ, и когда стала осматривая его и подняла ложкой язычокъ, двѣ зловѣщія бляшки бросились мнѣ въ глаза.

Я тотчасъ же позвонила къ доктору Долинскому.

У дѣвочки оказалась дифтеритъ, ей вспрыснули антидифтеритную сыворотку, и это спасло ее.

И ужъ послѣ всего этого не показалось ни особенно страшнымъ, ни неожиданнымъ, когда заболѣлъ маленькій Олгъ воспаленіемъ легкихъ, осложнившимся нервнымъ параличомъ конечностей.

Впрочемъ, и онъ скоро поправился.

А Леманъ становился все безпокойнѣе, все печальнѣе.

Бѣсть онъ сталъ очень мало и съ большимъ разборомъ. Ему, всегда такому умѣренному и ко всѣму снисходительному, теперь было очень трудно угодить. Но доктора говорили, что это пустяки, что напрасно онъ забросилъ спортъ, что придетъ весна, онъ опять начнетъ ѣздить на велосипедѣ и поправится, и что нужно куда-нибудь поѣхать, если ужъ нельзя за-границу, то куда-нибудь на дачу въ глушь и непременно отдѣльно отъ семьи, чтобы его не тревожили дѣти и не раздражала суета домашняго обихода.

И всѣ мы ждали весны. И самъ онъ ждалъ съ упованіемъ, съ мольбой, не желая и боясь разстаться съ надеждой, которая уже тогда умирала въ его

сердцѣ, потому что самъ онъ, вопреки всему, что онъ слышалъ отъ докторовъ, уже поставилъ діагнозь своей болѣзни безошибочно и твердо.

— У меня ракъ желудка, — скажетъ онъ, бывало, тому или иному доктору.

— Ну, это область предположеній, — отвѣтитъ тотъ.

— Для васъ область предположеній, а для меня истина.

— Онъ ничего не можетъ ѣсть, онъ боленъ желудкомъ, — говорили и мы докторамъ.

— Это повышенная чувствительность на почвѣ нервнаго раздраженія, нервное суженіе пищевода, припадки ипохондріи, — успокаивали насъ.

Одинъ изъ докторовъ, съ почтеннымъ именемъ и знающій, когда я стала настаивать, говоря съ нимъ, на томъ, что пораженъ желудокъ, и что не потому страдаетъ желудокъ, что разстроены нервы, а наоборотъ, нервы подавлены страданіемъ желудка, строго и внушительно оборвалъ меня:

— И это говорите вы, женщина начитанная, образованная, знакомая съ медициной? Но вѣдь это же абсурдъ. Мы имѣемъ на рѣдкость сохранившееся, великолѣпно упитанное тѣло, молодое тѣло, да, молодое, котораго не бываетъ у 50-ти-лѣтняго человѣка, а вы хотите увѣрить себя и другихъ, что въ этомъ молодомъ и хорошо упитанномъ тѣлѣ изношенъ и отказывается служить органъ питанія. Вамъ ясна логическая бессмыслица вашего предположенія?

Что я могла сказать? Съ своей точки зрѣнія докторъ былъ правъ. Чѣмъ свѣжѣе, чѣмъ болѣе со стороны являлся человѣкъ, тѣмъ болѣе склоненъ былъ онъ видѣть въ Леманѣ здоровья. Каждый приглашаемый впервые къ нему докторъ выносилъ то же впечатлѣніе.

Болѣе подробные опросы только усиливали его и возбуждали недоумѣніе.

Еще въ маѣ, уже переѣхавъ на дачу въ Гатчину, Леманъ на непривычный взглядъ казался бодрымъ, подвижнымъ и сильнымъ. Къ намъ въ Стрѣльну онъ пріѣзжалъ изъ Гатчины на велосипедѣ.

Одинъ изъ докторовъ, которому онъ жаловался на постоянно ощущаемый большой упадокъ силъ, не безъ досады возразилъ:

— Да что вы все твердите про упадокъ силъ? Въ чемъ онъ выражается? Вы мнѣ приведите конкретный примѣръ.

— Вотъ вамъ примѣръ, — отвѣтилъ Леманъ, — я поѣхалъ къ дѣтямъ на велосипедѣ изъ Гатчины въ Стрѣльну и усталъ страшно.

— А сколько верстъ? — спросилъ докторъ.

— Семьдесятъ пять.

— Ну, это и всякій бы усталъ. Вы лучше дайте мнѣ какое-нибудь наблюденіе попроче.

— Ну, вотъ, вамъ чего проще: вчера я хотѣлъ перекреститься 2-хъ пудовой гирей и не могъ удержать ее въ правой рукѣ. Понимаете, въ правой?

— Нѣтъ, вы — шутникъ. Побольше бы такихъ больныхъ, и докторовъ бы не нужно. Вонъ вы какой богатырь!

Первое время на дачѣ Леманъ дѣйствительно себя лучше чувствовалъ. Онъ пересталъ работать, началъ купаться въ ледяной гатчинской водѣ, заставляя себя пить молоко, котораго раньше никогда не переносилъ, старался бодриться и поддерживать въ себѣ ровное и спокойное состояніе духа. Но безъ любимаго труда онъ скучалъ страшно. Спортъ въ одиночку, безъ дѣтей, съ которыми онъ привыкъ совершать далекія поѣздки на велосипедѣ, съ которыми онъ устраивалъ состязанія въ плаваніи, въ бѣгѣ, въ стрѣльбѣ въ цѣль и метаніи, казался бесплоднымъ и лишеннымъ интереса, и вообще всего этого режима едва хватило на недѣлю. Къ тому же боли подъ ложечкой усилились, и самочувствіе опять стало тяжелое и мрачное.

Его дача ему опротивѣла, онъ сталъ метаться, нигдѣ не находя себѣ мѣста, между Петербургомъ, Стрѣльной и Гатчиной. Силь у него было еще много, и кто зналъ Лемана и имѣлъ случай наблюдать кипучесть его натуры, его юношескую подвижность, пылкость и страстность его рѣчей, горячую убѣжденность его идей, тотъ не удивится, что и теперь на мало знакомыхъ людей онъ продолжалъ производить впечатлѣніе человѣка на рѣдкость жизненнаго, бодрого и полнаго энергіи.

Но былъ одинъ признакъ, угрожающій и безспорный, который, наконецъ, математически констатировали доктора и очевидность котораго ясна была и больному и всѣмъ окружающимъ: это — потеря въ вѣсѣ, регулярная, ежедневная, неудержимая и все возрастающая, несмотря ни на какія патентованныя средства и питательные экстракты.

Эта потеря достигла, наконецъ, 2-хъ фунтовъ въ день къ концу мая мѣсяца.

Прошелъ день, значить ушло 2 фунта тѣла.

Теперь уже никто не говорилъ о нервахъ, но и никто не высказывалъ ничего опредѣленнаго.

Леманъ сознавалъ, что гибнетъ, сознавали это и мы, его близкіе, и въ смертельной тоскѣ метались по докторамъ и больницамъ, ища спасенія и не находя его.

Кто-то указалъ мнѣ на доктора Б., специалиста по откачиванію желудка.

Въ тотъ же день я была у него, а на другой день онъ сдѣлалъ откачиваніе желудка, результатъ котораго оказался самаго зловѣщаго свойства: полное отсутствіе соляной кислоты.

Конечно, отъ Лемана это скрыли, а нѣсколько позднѣе, чтобы усыпить его страдальческое безпокойство, ему стали говорить, что у него можетъ быть «только круглая язва желудка и больше ничего».

Сразу тогда же всталъ вопросъ объ операциіи. На консилиумахъ доктора пришли къ заключенію, что въ данныхъ условіяхъ ракъ можно предположить

только въ начальной стадіи, величиной можетъ быть въ горошину, максимумъ въ волошскій орѣхъ.

— Это ничтожный рачокъ! — выразился одинъ изъ хирурговъ, — мы удалимъ его, и больной проживетъ еще 30 лѣтъ.

Лемана начали готовить къ операціи.

Дачу въ Гатчинѣ онъ оставилъ.

Мы поселились съ нимъ вдвоемъ на городской квартирѣ, куда только время отъ времени пріѣзжалъ Маркъ, чтобы, въ случаѣ необходимости, замѣнить меня.

Леману былъ предписанъ полный покой, надо было избѣгать всякаго раздраженія, малѣйшаго напряженія силъ, чтобы было возможно сохранить ихъ для операціи.

Онъ подчинялся всему безпрекословно, горячо увѣровавъ въ возможность спасенія, сталъ тихъ, кротокъ и послушенъ, какъ ребенокъ.

Дѣти всѣ были на дачѣ.

Постороннихъ къ нему никого не допускали, не было даже прислуги, все, что нужно, дѣлали мы сами, я и Маркъ.

Леманъ торопиль с операціей, видя въ ней одной спасеніе, а мы, мы всѣ воспрянули духомъ.

Доктора говорили, что увѣрены въ благопріятномъ исходѣ, и всѣмъ намъ казалось, что съ операціей уйдетъ и окончательно разсѣется тотъ страшный кошмаръ, который столько времени и съ такой жестокостью давилъ насъ.

А врачи не спѣшили, назначали тотъ или другой день, потомъ откладывали, желая во всемъ оговориться, создать самыя благопріятныя условія и возможно лучше подготовить больного.

Наконецъ, рѣшительно остановились на 3-емъ іюля, но наканунѣ опять явилось какое-то препятствіе и операцію перенесли на 7-ое, а пока принялись дезинфицировать и оборудовать подъ операціонный лазаретъ нашу квартиру.

Эти нѣсколько дней, казалось, тянулись мучительно долго. На всѣхъ насъ отразилась та душевная мука, которую испытывалъ Леманъ. Но когда они прошли, и насталъ рѣшающій, страшный день, мы всѣ поняли, что они пролетѣли быстро, какъ мгновеніе, и уже было жаль и больно, что прошли эти дни приготовления и уступили мѣсто ужасу ожиданія надвигающагося страшнаго момента. И, однако, всѣ мы вѣрили, что въ операціи спасеніе. Намъ представлялось, что вотъ вырѣжутъ что-то подъ хлороформомъ, такъ что не будетъ больно, и дорогой намъ, безцѣнный для насъ человекъ проснется здоровымъ и полнымъ силъ, воскресшій для жизни, а все это невыносимо мучительное, безобразно страшное разсѣется, какъ сонъ, и какъ сонъ забудется.

Это было одно. А другое было то, что и я, и два старшихъ нашихъ сына, Анатолій и Маркъ, чувствовали себя глубоко несчастными, потерянными,

безпомощными жертвами смертельной тоски и стихійнаго, паническаго страха, до такой степени осязательнаго, что рядомъ съ нимъ какъ будто уже не было мѣста никакой надеждѣ, никакой вѣрѣ.

И, Боже мой, какъ хотѣлось надѣяться, какъ хотѣлось вѣрить!

Какими добрыми, сердечными и знающими рисовались эти пять докторовъ въ бѣлыхъ халатахъ, какъ хотѣлось вѣрить въ ихъ искусство, въ ихъ власть надъ жизнью и смертью.

Суетились и бѣгали служители и сидѣлки, тоже всѣ въ бѣломъ.

Въ послѣдній разъ совѣщались передъ началомъ операціи хирургъ и его ассистенты, и всѣхъ покойнѣе былъ тотъ, кого должны были оперировать.

Леманъ и операцію встрѣтилъ мужественно и просто.

Своимъ спокойствіемъ и мужествомъ онъ удивилъ докторовъ.

Онъ не колебался, не нервничалъ, былъ очень спокоенъ.

Только уже ложась на операціонный столъ, — онъ обратился къ докторамъ со словами, которыя онъ уже не разъ говорилъ имъ:

— Объ одномъ прошу: будьте смѣлы. Не нужно полумѣръ, сдѣлайте мнѣ радикальную операцію. Если она не въ состояніи будетъ спасти меня, я буду благодаренъ вамъ за то, что вы меня просто зарѣзали и избавили отъ лишнихъ страданій.

Уже во время операціи одинъ изъ докторовъ вошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Я считаю своимъ долгомъ предупредить васъ. Картина, раскрывшаяся передъ нами, такъ ужасна, что надо быть готовымъ къ самому худшему.

Операція длилась 2 часа безъ нѣсколькихъ минутъ; время это казалось безконечнымъ, а ожиданіе невыносимымъ.

Наконецъ все было кончено.

Больного уложили въ постель. Ушли доктора, удалился весь служебный персоналъ, и мы остались одни у постели Лемана, который крѣпко спалъ и котораго мы старались вывести изъ безсознательнаго состоянія. Наконецъ, намъ это настолько удалось, что когда его окликали, онъ открывалъ глаза.

Боже, какъ обрадовало насъ это слабое проявленіе жизни! Его было достаточно, чтобы мы сразу почувствовали себя безумно счастливыми и преисполненными самыхъ яркихъ надеждъ.

Онъ слышитъ, видитъ, значитъ — живъ!

Старшій сынъ поѣхалъ на дачу обрадовать дѣтей вѣстью о томъ, что операція прошла благополучно.

Мы съ Маркомъ по очереди махали большими листами бумаги надъ лицомъ больного, чтобы создать постоянный притокъ свѣжаго воздуха и разсѣять тотъ сладкій и тошнотворный запахъ отъ хлороформа, который стоялъ въ комнатѣ, несмотря на раскрытыя настѣжи окна.

И уже очень поздно ночью, когда измученный, не державшійся на ногахъ Маркъ заснулъ, какъ убитый, сидя на стулѣ, я почувствовала себя

страшно одинокой и безпомощной передъ лежавшимъ на моихъ глазахъ тѣломъ.

Я ощутила глубокую и вольную усталость души; съ жестокой ясностью предстало передъ моими духовными очами истинное положеніе вещей.

Вспомнились лица докторовъ и слова утѣшенія, которыя они мнѣ говорили. Отъ этихъ лицъ и словъ вставало впечатаніе безнадежности, и вдругъ стало понятно все безуміе нашей радости и ощутимымъ присутствіе того безпощаднаго и грознаго врага, котораго мы думали побѣдить и не побѣдили...

Машинально я дѣлала все то, что предписано: впрыскивала морфій и камфару, клала къ ногамъ горячія бутылки, выслушивала сердце, мѣрила температуру и не вѣрила даже въ завтрашній день, твердо знала, что его не будетъ, не можетъ быть и не только для него и для меня, такъ казалось просто, что послѣдній вздохъ этого человѣка будетъ и моимъ приговоромъ. Кончится его жизнь — кончится и моя. Это въ моей власти, и никто и ничто не помѣшаетъ мнѣ, и каждая изъ этихъ склянокъ съ морфіемъ, съ кокаиномъ, съ хлороформомъ являются для меня нѣмыми и вѣрными пособниками...

Рѣдѣли тѣни ночи, близился разсвѣтъ.

Я совсѣмъ не хотѣла спать и испытывала необычайное спокойствіе, а весь внѣшній міръ отсутствовалъ для меня, съ нимъ покончены были счеты.

О дѣтяхъ у меня не явилось мысли: за это время я отвыкла отъ заботъ о нихъ. Всѣ мои интересы, всѣ мои помыслы сосредоточены были только на одномъ пунктѣ, исключительно важномъ, единственно для меня существующемъ.

Неподвижно сидѣла я у постели, ощущая тупую боль въ сердцѣ, погруженная въ какое-то странное оцѣпенѣніе.

— Это ты, Лида? Который часъ?

Звукъ этого голоса, такой знакомый и милый, и такой необыкновенный, такой неожиданный въ этотъ моментъ, потрясъ меня до глубины души.

Сразу неудержимо хлынули слезы изъ глазъ: отчаянія, тоски, сомнѣнія какъ не бывало, и все внезапно приняло другой видъ, окрасилось другими цвѣтами, заблестало солнцемъ и красками.

Лучезарнымъ и пышнымъ, необычно-прекраснымъ и яркимъ казался встающій день. Никогда не было такъ глубоко и сине небо, никогда не сверкало такимъ ослѣпительнымъ золотомъ солнце, и никогда, никогда до того, казалось, жизнь не была такъ добра и щедра, такъ полна счастливыхъ предзнаменованій, манящихъ надеждъ, устремленій въ свѣтлое и ясное будущее.

Умъ молчитъ передъ властнымъ голосомъ сердца.

Я все понимала, все знала, ясно отдавала себѣ отчетъ въ истинномъ положеніи вещей и необъяснимымъ образомъ всему этому не придавала никакого значенія, всецѣло поглощенная смѣшаннымъ чувствомъ живѣйшей радости и ненасытной жажды вѣры въ чудо.

День этотъ провелъ больной очень спокойно и къ вечеру настолько уже окрѣпъ и оправился, что попросилъ чаю и маленькими осторожными глотками выпилъ его немного болѣе полустакана.

МАРКЪ АНАТОЛІЕВИЧЪ ЛЕМАНЫ,
ПРОДОЛЖАЮЩІЙ ДѢЛО ОТЦА.

Навѣстившій его врачъ былъ даже нѣсколько удивленъ тѣмъ, что онъ такъ скоро оправился отъ тяжелой операци, и, какъ могъ, спѣшилъ удовлетворить разспросы больного, живо интересовавшагося всѣми подробностями той картины, которую встрѣтили доктора, когда его вскрыли.

Ночь больной проспалъ всю очень спокойно и на другой день чувствовалъ себя уже настолько бодрымъ, что, когда около часа пріѣхалъ докторъ, онъ объявилъ ему, что не хочетъ все время лежать, что чувствуетъ себя сильнымъ и здоровымъ.

Докторъ строжайше запретилъ ему мѣнять положеніе, но разрѣшилъ дать ему на обѣдъ куриный бульонъ съ рисомъ, который больной съѣлъ съ большимъ аппетитомъ тутъ же при докторѣ, при чемъ сказалъ, что вотъ теперь когда ѣстъ, онъ чувствуетъ, что желудокъ его освобожденъ отъ той страшной болѣзни, которая отнимала у него жизнь, и что теперь онъ уже не сомнѣвается въ томъ, что спасенъ.

Онъ испытывалъ необычайный подъемъ духа и полонъ былъ беззаветной вѣры въ свое спасеніе.

Это психическое состояніе давало волшебные результаты. На 7-й день всѣ швы, къ изумленію докторовъ, уже срослись, — безъ лихорадокъ, нагноенія и осложнений, которыхъ они опасались, и онъ сталъ вставать и одѣваться.

Особенно изумляло докторовъ то, что онъ началъ хорошо ѣсть, сѣдалъ съ аппетитомъ, съ удовольствіемъ цѣлый легкой обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ, пилъ чай или кофе со сливками, съ бѣлымъ хлѣбомъ, и при этомъ не только не жаловался, но все время говорилъ, что чувствуетъ себя прекрасно.

На 10-й день онъ съ утра сталъ готовиться къ отъѣзду въ Стрѣльну, и около 2-хъ часовъ вышелъ съ Маркомъ изъ дому, пѣшкомъ дошелъ до трамвая, — разстояніе очень небольшое, но до операціи настолько утомлявшее его, что онъ всегда бралъ извозчика, — доѣхалъ до вокзала, откуда по желѣзной дорогѣ отправился на дачу.

Все время онъ держалъ себя, какъ человѣкъ въполнѣ здоровый, и только къ вечеру почувствовалъ, что усталъ, и легъ пораньше спать.

Стояли чудные лѣтніе дни, жаркіе, солнечные. Дѣти купались раза 3—4 въ день.

Леманъ на другой же день по пріѣздѣ тоже поѣхалъ на велосипедѣ купаться въ море, потомъ сталъ ѣздить каждый день. Я совѣтовалась по этому поводу съ докторомъ и получила въ отвѣтъ:

— Удивительно, что у него столько силъ, пускай купается и ѣздитъ на велосипедѣ. Онъ въ такомъ положеніи, что бесполезно что-либо ему запрещать.

Тогда же онъ горячо принялся за работу, чертилъ, дѣлалъ вычисленія, вытесывалъ своды, врѣзывалъ усы, а если уставалъ отъ этой работы, принимался диктовать дочери, которая записывала за нимъ на машинкѣ.

Мы были счастливы. Мы уже всѣ увѣровали безповоротно, несокрушимо въ совершившееся на нашихъ глазахъ чудо.

Но уже къ концу слѣдующей недѣли самочувствіе Лемана рѣзко измѣнилось.

Появились раздраженіе, нервность, недовольство пищей и общее подавленное состояніе.

Мрачная и страшная догадка уже зрѣла въ его умѣ и черезъ нѣсколько дней превратилась въ увѣренность, тѣмъ болѣе твердую, что начались страшныя боли въ желудкѣ, которыя по ночамъ доходили до такой остроты, что не давали ни на минуту сомкнуть глазъ и только къ утру нѣсколько ослабѣвали и притуплялись, но ощущеніе боли теперь уже не покидало его никогда.

Морфій и пантопонъ, которыя ему прописывали доктора для впрыскиванія и для пріема внутрь, дѣйствовали на него не болеутоляющимъ и усыпляющимъ образомъ, а, напротивъ, возбуждали и энервировали его

организмъ, совершенно не привычный къ алкоголю и наркотикамъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ пробъ мы рѣшили оставить эти средства, и недѣлю больной провела ужасную, гдѣ безсонныя полныя мукъ ночи смѣнялись тяжелыми и тоскливыми, казавшимися безконечно длинными, днями.

Я ясно видѣла, поняла это и Леманъ, что доктора окончательно махнули на него рукой, и въ тѣхъ рецептахъ, которые они писали, фигурировали все тѣ же яды въ повышенныхъ дозахъ и въ болѣе частыхъ приемахъ.

Въ отчаяніи изыскивая всѣ средства, чтобы облегчить страданія терзаемаго на моихъ глазахъ дорогого мнѣ человѣка неумолимымъ недугомъ, я вспомнила, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ при сильныхъ боляхъ мнѣ давали приемы опиума по 2 грана въ облаткахъ.

Опиумъ и облатки были у меня подъ рукой.

Я предложила такой приемъ Леману около 8-ми часовъ вечера, когда онъ обыкновенно начиналъ волноваться и метаться въ предвкушеніи ужасной, несущей съ собою пытку, ночи.

Дѣйствіе этого приема превзошло всѣ наши ожиданія: приблизительно въ теченіе трехъ-четвертей часа боли постепенно затихли и, наконецъ, исчезли совсѣмъ.

— Господи, какъ хорошо! — сказала Леманъ. — Это прямо что-то волшебное: звѣрь пересталъ глотать мои внутренности, я не чувствую своего желудка, точно его вынули изъ меня. Неужели я буду спать эту ночь?!

Онъ начиналъ уже дремать и скоро заснулъ покойнымъ, ровнымъ сномъ, какимъ уже давно не спалъ.

Заснула и я, послѣ многихъ безсонныхъ ночей, сидя у него въ ногахъ на постели, и когда проснулась, онъ еще спалъ.

Этотъ сонъ продолжался шесть часовъ.

Въ 4 часа утра онъ проснулся отдохнувшимъ и, какъ будто, даже повесѣвшимъ и попросилъ мня сварить сму коффе.

Съ удовольствіемъ выпилъ пол-стакана съ сахаромъ и густыми сливками.

— Это, конечно, опять вернется, — сказалъ онъ мнѣ, — но, по крайней мѣрѣ, теперь у насъ есть средство, только бы не пришлось постоянно увеличивать дозу.

Но дозу увеличивать не пришлось. Съ тѣхъ поръ ежедневно вечеромъ онъ проглатывалъ обычную облатку и скоро засыпалъ, но число часовъ сна постоянно колебалось, больше шести часовъ онъ никогда не спалъ и случалось это довольно рѣдко. Но бывали случаи, что онъ засыпалъ только на два часа, и хотя болеутолявшее свойство лекарства продолжалось еще нѣсколько часовъ, онъ всегда становился нервнымъ, возбужденнымъ и неспокойнымъ.

Вернулось все прежнее: неудержимое паденіе вѣса, худѣніе, вызываемое вынужденнымъ голоданіемъ, и слабость, благодаря которой онъ не только долженъ былъ отказаться отъ поѣздокъ на вслосипсдѣ, отъ купаній въ морѣ,

отъ прогулокъ въ паркѣ, которыя онъ такъ любилъ, но уже являлось трудностью пройтись подъ руку со мной по садовой дорожкѣ и назадъ къ дому, и тяжкимъ временемъ ложилось на уставшія опустившіяся плечи теперь висѣвшее на нихъ, точно не по немъ сшитое, слишкомъ широкое платье.

Я тщательно старалась скрыть отъ него горе и ужасъ, терзавшіе мою душу, но умъ его, глубокой и ясный, уже все оцѣнилъ и понималъ, всему подвелъ итоги, и мужественная душа его, не способная прятаться и обманывать себя и другихъ, безтрепетно встрѣтила истину и стала готовиться въ путь.

Вдругъ Леманъ объявилъ, что хочетъ работать, и съ небывалымъ жаромъ, съ величайшимъ увлеченіемъ, сидя въ постели, уйдя спиной въ подушки, онъ быстро и привычно скользилъ по дереву своими маленькими рубаночками, и какъ только уставалъ, подзывалъ меня и приказывалъ записывать то рецептъ того или другаго лака, то какое-нибудь вычисленіе, то новую пришедшую ему въ голову комбинацію.

Онъ скоро уставалъ, но, едва отдохнетъ, уже притягиваетъ руку къ работѣ.

Я не мѣшала ему, видя въ ней главнымъ образомъ развлеченіе, но потомъ я поняла, что это глубже и серьезнѣе.

Уходя, онъ хотѣлъ закончить все, что могло быть законченнымъ, отдать всѣ сокровища своего ума и таланта, оставить послѣ себя возможно большее наслѣдіе. Насколько позволяли ему его падающія силы, онъ сталъ проявлять кипучую и беспокойную дѣятельность, и, несмотря на то, что всякое движеніе для него было утомительно и влекло за собой большой упадокъ силъ, онъ убѣдилъ меня два раза поѣхать съ нимъ въ городъ, такъ какъ на дачѣ у него не все нужное для работы было подъ руками.

Вторая поѣздка была уже ему тяжела; она сопровождалась большимъ упадкомъ силъ, тѣмъ болѣе, что становилось ихъ все меньше и меньше: уже стало трудно одѣваться, совсѣмъ пришлось прекратить прогулки, и уже нужно было усиліе, чтобы спуститься съ балкона и посидѣть на его ступенькахъ, на солнышкѣ въ саду, какія-нибудь 10—12 минутъ. Больше не удавалось. Какая бы ни была погода, являлось ощущеніе холода, и надо было торопиться лечь въ постель.

Силы уходили и уходили, и несмотря на это, ему не измѣняла ни зоркость его глаза, ни тонкость слуха, напротивъ, онѣ, казалось, обострились, и удивительно было наблюдать, какъ вѣрно и твердо проводила линію карандашомъ или рѣзцомъ его исхудавшая, но все еще не утратившая способности къ работѣ рука. Онъ ясно сознавалъ свое положеніе и не хотѣлъ обманывать себя никакими иллюзіями. У него явилась привычка начинать свою рѣчь со словъ:

— Когда я умру... Когда меня похоронять...

Если кто-нибудь ему пробовалъ возразить, онъ кротко останавливалъ:

— Не надо. Я ухожу и знаю это. Зачѣмъ лишнія слова?

Однажды поздно вечеромъ онъ послалъ сына за священникомъ и причастился.

Ночь эту провелъ очень покойно, спалъ крѣпко и долго, и проснулся въ свѣтломъ настроеніи духа, которое сохранилось все утро и часть дня. Но когда солнце стало садиться, я замѣтила, что онъ грустенъ, и глаза его печальны. И хотя я не сказала ему этого, онъ тотчасъ же отвѣтилъ на мою мысль:

— Да, мнѣ тяжело. Вчера было такъ хорошо; мнѣ казалось, что я исполнилъ все земное и ночью незамѣтно перейду въ другой міръ. Но вотъ я все еще живъ.

Я сказала ему:

— Подумай, какой бы это былъ ужасъ для насъ.

— Все равно, это неизбежно, — отвѣтилъ онъ, — смерти я не боюсь. Но ты не можешь себѣ представить, какъ пугаетъ меня моя возрастающая слабость. Мысль, что настанутъ дни, когда я не въ состояніи буду самъ лечь и встать, одѣться и раздѣться, и обращусь въ живой трупъ, тягостный и отвратительный и для себя и для окружающихъ, для меня невыносима.

Слѣдующій день онъ провелъ также тревожно, а когда настала ночь, не могъ спать, и, едва забрезжило утро, сталъ торопить меня ѣхать скорѣе въ городъ.

— Времени осталось такъ мало, — говорила онъ, — здѣсь я ничего не сдѣлаю, у меня еще много работы.

Онъ торопился одѣваться и торопилъ меня.

Но я и сама торопилась; я рада была, что у него есть еще силы и что въ немъ еще не угасла энергія, и сама находила, что въ городѣ ему будетъ лучше. Дни становились холоднѣе, ночи потемнѣли, дача казалась такой мрачной и неудобной, и на душѣ было тяжело и жутко.

Въ городѣ, онъ, какъ будто, почувствовала себя лучше. Здѣсь у него была его любимая мастерская, книги, рисунки, инструменты.

Онъ закончилъ скрипку и принялся за другую, и торопился заканчивать альтъ, начатый еще до болѣзни.

Тогда же онъ сталъ заставлять меня составлять тотъ или другой лакъ и сталъ учить меня лакировать инструменты.

Альтъ «Асгаргу» крыли мы съ нимъ вмѣстѣ, въ скрипкѣ «Хильда» покрыть имъ только завитокъ.

Постепенно, даже не говоря по этому поводу, а какъ бы проникаясь одной мыслью, мы пришли съ нимъ къ увѣренности, что дѣло его послѣ него не умретъ, что, по мѣрѣ силъ, мы будемъ продолжать его, и все такъ старательно собранное, изслѣдованное, изученное, зарисованное и вырѣзанное имъ будетъ храниться, какъ святыня, какъ драгоценное по собіе и руководство.

Эта увѣренность, которую я всячески старалась поддержать въ немъ, — и это было мнѣ легко, потому что самой мнѣ она была отрадна, — явилась для него настоящимъ утѣшеніемъ и скрасила послѣднія минуты его жизни, придавъ имъ тотъ особый, полный великой и глубокой значительности смыслъ, какой имѣеть завершеніе всякаго благороднаго и исчерпывающаго жизнь подвига.

Необходимо и важно было все, что творилъ онъ, каждый проведенный имъ штрихъ, каждое продиктованное имъ указаніе.

Тѣло его уже отказывалось служить ему, но духъ поражалъ своей бодростью и мощью, и разительно было впечатлѣніе отъ этого изможденнаго страдальческаго лица, на которомъ яркой мыслью горѣли, все еще не утратившіе блеска и огня глаза, и съ устъ котораго легко, свободно и образно лилась, свойственная Леману убѣжденная и пылкая рѣчь.

Я спѣшила записывать все, что онъ говорилъ, и почти съ мистическимъ умиленіемъ наблюдала послѣднія зарницы удивительной, свѣтлой памяти, яснаго и широкаго ума, смѣлаго и яркаго воображенія, которыя не потускнѣли, не омрачились предъ лицомъ самой смерти.

Чѣмъ ближе былъ конецъ, тѣмъ яснѣе в спокойнѣе становился онъ, тѣмъ больше спѣшили сдѣлать, тѣмъ короче, опредѣленнѣе и тверже становились его распоряженія, и былъ онъ похожъ на человѣка, собравшагося въ дальній путь и желающаго оставить дѣла свои и домъ свой въ порядкѣ.

Одна мысль тревожила его по временамъ: два нашихъ сына проводили лѣто у тетки въ Саратовской губерніи, и онъ боялся, что не увидитъ ихъ передъ смертію.

Однажды, — это было уже въ самомъ концѣ августа, — когда онъ отдыхалъ, уставъ отъ работы, онъ съ тоской сказалъ мнѣ:

— Какъ долго не ѣдутъ мальчики, неужели я не увижу ихъ?

Я поспѣшила успокоить его и сказала:

— Они должны пріѣхать завтра вечеромъ, если выѣдутъ въ тотъ день, какъ я рассчитала.

Случилось такъ, что мальчики попали въ какой-то скорый поѣздъ и пріѣхали въ тотъ же день въ 12 часовъ ночи.

Тотчасъ же, не раздѣваясь, они вошли къ отцу, и остолбенѣли, до такой степени были они поражены его видомъ. Они не видали его цѣлое лѣто, и такой перемѣны не могли себѣ представить, не могли ожидать.

Онъ въ это время засыпалъ, сквозь сонъ обнялъ ихъ и прошепталъ:

— Ну, вотъ и вы пріѣхали! Какъ хорошо! Какъ я радъ!

Въ 3 часа ночи онъ проснулся и, какъ всегда, окликнулъ меня.

Я уже давно привыкла спать, не ложась, сидя на краю постели, положивъ голову на высоко поставленную подушку и одѣтая, готовая каждую минуту встать.

Я подошла къ нему.

— Ахъ, ты все не спишь, — сказалъ онъ, — бѣдная, какъ ты устала! А мнѣ очень хорошо, я видѣлъ такой чудный сонъ!

— Что же ты видѣлъ?

— Видѣлъ я, что пріѣхалъ Варварикъ съ Арикомъ, и я такъ сумѣлъ принять ихъ, такъ обласкалъ ихъ.

— Милый, ты видѣлъ это не во снѣ, а наяву.

— Правда? Позови скорѣе дѣтей.

— Можетъ быть, лучше не будить ихъ? Вѣдь они устали съ дороги.

— Да, да! Пусть спятъ.

Мнѣ пришлось пожалѣть, что я не пошла тотчасъ же разбудить дѣтей.

Онъ уже не могъ больше заснуть, даже не могъ лежать, онъ сѣлъ на постели, весь волненіе и ожиданіе, и поминутно сталъ спрашивать меня:

— Который часъ?

Въ пять часовъ я сказала:

— Я позову дѣтей, они успѣютъ выспаться, а тебѣ вредно такъ волноваться.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не смѣй будить ихъ и не смѣй уходить изъ комнаты. Я знаю, ты не послушаешь меня и разбудишь ихъ, я не хочу этого.

Я перенесла съ окна на столъ къ его кровати блюдечки съ растертыми накануне лаками, куски дерева съ пробами и кисти.

Это отвлекло его вниманіе и за лакированіемъ, то работая самъ, то показывая мнѣ и поправляя меня, онъ успокоился.

Въ 9 часовъ проснулись мальчики и прямо съ постели, въ бѣльѣ, прибѣжали къ отцу.

Они усѣлись у него на кровати и съ живостью принялись дѣлиться съ нимъ своими впечатлѣніями.

Леманъ точно возродился: онъ весь оживился, съ лица исчезли холодные, сѣрые тона, онъ сѣлъ на постели и заговорилъ самъ, образно и ярко.

Вспомнилъ юность, сталъ рассказывать, какъ въ былые годы ловилъ съ товарищами рыбу, и рассказъ его, живой и увлекательный, приковалъ къ себѣ вниманіе дѣтей, и они слушали его, не сводя глазъ съ отца, позабывъ о его смертельной болѣзни. Да и самъ онъ забылъ о ней.

Я стояла на порогѣ комнаты и не вѣрила своимъ глазамъ: прежній Леманъ, похуѣвшій и поблѣднѣвшій, но здоровый, полный силъ и бодрый, былъ передо мною, такъ живы были всѣ его движенія, такъ полно было жизни его лицо, и такъ легко и свободно, красивый и живописный, съ оттѣнкомъ тонкаго юмора и веселой шутки, лиса его рассказъ, и на губахъ трепетала, привычная ему, милая, добродушная, ласковая улыбка.

Въ эту минуту никто бы не сказалъ, что онъ боленъ. Не знающій человѣкъ, которому показали бы эту картину, сказалъ бы, что отецъ съ мальчиками

только что вернулся домой послѣ ночи, проведенной на рѣкѣ, и всѣ они устали, всѣ утомлены, но полны радости жизни.

Подъ конецъ меня испугало это оживленіе, и едва выдался удобный моментъ, я прогнала мальчиковъ одѣваться. Они тотчасъ же послушались и ушли.

Дочери Лемана Агриппина и Лидія (Копочка).

Леманъ немедленно всталъ, надѣлъ свой обычный костюмъ, умылся, причесался, — все это безъ посторонней помощи, увѣренно и быстро, — и прямо прошелъ въ мастерскую. Тамъ онъ усѣлся за свой верстакъ, началъ и кончилъ врѣзывать усы въ альтъ «Асгарту», его послѣдній трудъ.

И потомъ все время онъ ходилъ по дому, принимая участіе во всѣхъ мелочахъ повседневной жизни семьи.

Въ моемъ кабинетѣ онъ приказалъ перевѣсить свой портретъ и самъ установилъ и поправилъ его.

— Я хочу, чтобы послѣ моей смерти онъ висѣлъ здѣсь рядомъ съ твоимъ.

Къ четыремъ часамъ онъ усталъ. Психическій подъемъ пошелъ на убыль, и въ пять я уложила его въ постель. Онъ ослабѣлъ, былъ утомленъ, чувствовалъ ознобъ, а, согрѣвшись, крѣпко заснулъ.

Въ этотъ же день, что тоже удивило насъ всѣхъ, онъ выпилъ три стакана молока, хотя уже давно за цѣлый день едва удавалось дать ему поль-стакана. Помимо невозможности ѣсть, причиной его крайней умѣренности являлась еще его осторожность, и, можетъ быть, ей слѣдуетъ приписать то, что рвота, обычный спутникъ его болѣзни, у него совершенно не наблюдалась. Онъ не только отказался совсѣмъ отъ твердой пищи, но жидкости принималъ маленькими и рѣдкими глотками. Силы его падали съ ужасающей быстротой, но воля его духа была громадна, и онъ все время поддерживалъ въ себѣ бодрость и горѣлъ желаніемъ каждую благопріятную минуту использовать достойно, «честно», какъ говорилъ онъ. Докторовъ онъ совсѣмъ не хотѣлъ видѣть.

— Они мнѣ ничего не скажутъ, чего бы я самъ не зналъ, — говорилъ онъ, — и ничего отъ меня не скроютъ изъ того, что я хочу знать.

Лекарства онъ совсѣмъ пересталъ принимать.

— Они мнѣ не нужны, — говорилъ онъ, — все это бесполезно теперь; для меня очевидно, что моя работа на землѣ кончена, и меня ждетъ тамъ, на высшемъ планѣ, другой неотложный трудъ.

Онъ очень былъ спокоенъ и кротокъ. Эти спокойствіе и кротость все возрастали. Онъ весь какъ будто свѣтлѣлъ, былъ необычайно терпѣливъ и привѣтливъ, не выказывалъ ни раздраженія, ни недовольства, столь естественныхъ въ его положеніи, и все старался дѣлать самъ.

Одна дама зашла навѣстить его.

Онъ поразилъ ее перемѣной, которая въ немъ произошла, но еще болѣе тѣмъ, какъ онъ принялъ ее и говорилъ съ ней.

Онъ выказалъ столько участія къ ея жизни, къ ея интересамъ.

Онъ такъ разспрашивалъ ее о ней и о ея дѣтяхъ, что она была тронута до слезъ и, потрясенная, прощаясь съ нимъ, она поцѣловала у него руку.

Уходя отъ насъ, она мнѣ сказала:

— Отъ этого человѣка остались только его яркій умъ и его доброе сердце, и умираетъ онъ, какъ святой.

Очень радовало Лемана то, что альтъ его близится къ концу, и настоящимъ праздникомъ явилась для него возможность приступить, наконецъ, къ его лакированію.

Я растирала для него на блюдечкѣ лаки, а онъ сидѣлъ на постели, спустивъ ноги и смѣлыми широкими мазками клалъ прозрачный слой на загрунтованномъ мной деревѣ.

— Это мой послѣдній трудъ, — говорилъ онъ, — пожалуй, даже не успѣю докрыть «Хильду», ты покрой ее сама.

Эти дни онъ могъ глотать только мороженое и холодное, какъ ледъ, шампанское, — потомъ сталъ отказываться и отъ нихъ.

— Не надо угощать меня, — говорилъ онъ, — не надо нарушать мое строеніе; оно свѣтло и ясно.

10 сентября, около четырехъ часовъ дня, мы закончили лакировку «Асгарты». Это очень обрадовало его. Тотчасъ же наступила реакція, и имъ овладѣло чувство глубокаго утомленія.

Онъ легъ, укрылся одеяломъ, но заснуть не могъ и, волнуясь и спѣша, онъ давалъ мнѣ разныя указанія и совѣты, торопя меня записывать, говоря, что времени у него мало, и прося меня по мѣрѣ силъ исполнить все, что онъ завѣщаль.

Меня и пугало и трогало его волненіе. Среди того мрака скорби и печали, которое уже давно окутало для меня все чернымъ облакомъ, золотымъ лучомъ солнца блистала исполненная отрады вѣра его въ меня, въ мою готовность исполнить его волю, вѣра въ то, что дѣло его послѣ смерти не погибнетъ, что мастерская его будетъ жить, и что накопленныя имъ богатства не будутъ расхищены и бесплодно растрачены.

Раньше онъ часто говорилъ мнѣ:

— Какъ я безмѣрно виноватъ передъ тобой и передъ дѣтьми. Я ничего не оставляю вамъ, кромѣ заботъ и тревогъ.

— Не думай объ этомъ, ты самъ знаешь, какъ все земное неважно и скоропреходяще. Зачѣмъ же высокія и торжественныя минуты омрачать низменнымъ и ничтожнымъ?

И постепенно онъ отдалился отъ этихъ мыслей.

— Ты снимаешь большую тяжесть съ моей совѣсти, — сказалъ онъ мнѣ, — я всегда жилъ и работалъ честно, но людей и ихъ жизни я никогда не могъ понять. Ты у меня мудрая и все, что ты сдѣлаешь, я вѣрю, будетъ сдѣлано хорошо.

Въ 8 часовъ вечера ко мнѣ позвонила по телефону одна моя пріятельница и спросила, можно ли ей прійти ко мнѣ. Я тотчасъ же передала это Леману и прибавила:

— Можетъ быть, это стѣснитъ тебя? Я скажу ей, чтобы не приходила.

— Нѣтъ, нѣтъ, — съ живостью возразилъ онъ, — я даже самъ буду радъ видѣть ее и поговорить съ ней.

Къ 9-ти часамъ пришла моя знакомая, и я сказала Грушенькѣ, дочери, чтобы она не уходила отъ отца и въ случаѣ надобности тотчасъ же позвала меня къ нему. Не прошло и четверти часу, какъ она вошла къ намъ со словами:

— А папа заснулъ очень хорошо и крѣпко.

Около 11 часовъ я распрощалась со своей гостьей и пошла къ больному, около котораго все время сидѣла дочь.

Онъ продолжалъ спать, повидимому, спокойно, но, прислушавшись къ его дыханію, я замѣтила, что хотя оно ровное и тихое, но сопровождается всхлипываніемъ, какъ бываетъ у дѣтей, чѣмъ-нибудь разстроенныхъ и заснувшихъ въ слезахъ.

Я подошла къ нему и наклонилась надъ нимъ.

Онъ сразу почувствовалъ мою близость и открылъ глаза.

— Это ты? Значить, она уже ушла? А я еще хотѣлъ поговорить съ ней. Ну, все равно, я такъ хорошо заснулъ.

— Какъ ты себя чувствуешь? Хорошо ли тебѣ? Не хочешь ли понюхать эфиру?

— Не надо никакихъ лекарствъ. Мое самочувствіе очень ясно. Я испытываю глубокое успокоеніе, и, знаешь, я сейчасъ опять заснулъ. Ложись и ты, ты должно быть очень устала.

Онъ повернулъ голову на подушкѣ и закрылъ глаза. Я поправила на немъ одѣяло. Онъ спалъ, и я опять услышала то же дыханіе, тихое и ровное, сопровождаемое легкимъ всхлипываніемъ.

Я, дѣйствительно, чувствовала себя очень утомленной, но объ отдыхѣ я не думала: неизъяснимая тревога вдругъ овладѣла всѣмъ моимъ существомъ.

Я почувствовала, что не могу оставаться въ спокойномъ состояніи.

Я прошла въ комнату рядомъ и тамъ принялась приводить въ порядокъ бѣлье въ дѣтскомъ комодѣ.

Время отъ времени я входила въ спальню и прислушивалась, исполненная глубокаго волненія и тоски.

Когда я кончала свою уборку, я почувствовала, что мнѣ холодно, и я вся дрожу и, чтобы согрѣться, накинула на себя старую суконную кофточку и сѣла въ кресло у постели.

Теперь мнѣ казалось, что всхлипыванія участились и, испуганная, вся замирая отъ страха и ужаснаго предчувствія, я уже рѣшилась разбудить его, когда онъ вдругъ повернулся ко мнѣ и сказалъ:

— А ты все еще не ложишься? Который же часъ?

Я поглядѣла на часы.

— Скоро два.

— Какъ поздно! Ложись, пожалуйста, ложись.

— Мнѣ не нравится, какъ ты дышишь: не вызвать ли доктора?

Онъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Никакіе доктора мнѣ не нужны. Ты около меня и мнѣ хорошо. Ложись спать, и я опять спокойно заснулъ.

— Хорошо, я лягу.

На ночь я всегда тушила лампу, но тутъ я почему-то не рѣшилась сдѣлать этого и только заставила ее пустой бутылкой отъ шампанскаго и прилегла на постель.

— Что же ты не потушила лампу? — сказалъ онъ мнѣ. — Вѣдь ты не любишь спать при свѣтѣ.

— Я потушу ее, если хочешь.

— Не вставай, пожалуйста, не вставай, тебѣ нуженъ отдыхъ.

И вдругъ, охваченный неожиданнымъ и изумившимъ меня порывомъ, онъ, съ живостью и легкостью юноши, вскочилъ съ постели, неслышными

и быстрыми шагами приблизился къ столу, сильно дунулъ на лампу — она сразу погасла, — и такъ же легко и проворно вернулся назадъ, свернулся подъ одѣяломъ и сказалъ мнѣ:

— Вотъ теперъ такъ хорошо. Я чувствую твою близость, знаю, что ты около меня, и сейчасъ опять засну крѣпко, крѣпко. И ты никуда не уходи. Не надо тебѣ уходить отъ меня...

Послѣднія слова онъ уже договаривалъ тихо, какъ бы въ дремотѣ, но ясно и отчетливо, какъ все, что говорилъ онъ.

Онъ заснулъ. Среди царившей въ домѣ тишины я прислушивалась къ его дыханію, такому тихому и ровному, теперь только изрѣдка сопровождавшемуся всхлипываніемъ, и къ біенію собственнаго сердца, которое больно и часто стучало въ груди. Сна совсѣмъ не было, и усталости я не чувствовала, и только какое-то холодное оцѣпенѣніе сковывало мои члены.

Ночь уходила. Бѣлыя полосы свѣта прокрадывались въ комнату.

Я обрадовалась наступленію дня и поспѣшно вскочила.

Было безъ четверти четыре. Почти въ ту же минуту проснулся онъ и повернулъ голову, ища меня глазами.

— Ты уже встала? Зачѣмъ же спущены шторы? Подыми ихъ.

Я исполнилъ его желаніе.

Онъ приподнялся и сѣлъ на постели.

— Какъ душно въ комнатѣ: нечѣмъ дышать.

Сказалъ это совершенно спокойно, не выражая ни нетерпѣнія, ни страданія.

Я открыла форточку.

— Нѣтъ, раскрой оба окна.

Я распахнула окна настежь.

Утро, тихое, нѣжное и теплое, полное ласкающей свѣжести, едва просыпалось. Бѣло-розовымъ облакомъ клубился туманъ, прозрачный и дымчатый, какъ газъ, надъ каналомъ и надъ растущими по берегамъ его все еще зелеными деревьями.

— Какъ хорошо! — сказалъ Леманъ, — точно мы съ тобой въ Венеціи.

Смотрѣлъ въ окно, не отрываясь.

— А вотъ, когда солнце ярко заблещетъ, — возвысиль онъ голосъ, — то возьми альтъ, который я съ тобой лакировалъ, и поставь его вотъ на то окно: пусть обсохнетъ.

— Непремѣнно поставлю, — отвѣтила я.

— Я это потому говорю, — прибавилъ онъ, — что вѣдь я могу крѣпко заснуть, или забыть, а ты уже не заснешь и не забудешь. Положи мнѣ повыше подушки, мнѣ будетъ легче дышать.

Я поправила его подушки и помогла ему повыше лечь. Чуть замѣтная, трогательная и нѣжная улыбка скользнула по его губамъ.

— Милая, какъ я безконечно благодаренъ тебѣ. Ты всегда была со мной, и теперь я не одинъ. Я опять сейчасъ засну, — какъ бы извиняясь, добавилъ онъ, — но ты не уходи. Не надо, нельзя уходить.

Онъ дѣйствительно заснулъ.

Я тихонько достала алыгъ и поставила на окно. Золото солнечныхъ лучей уже вспыхивало то тамъ, то сямъ горячимъ сверкающимъ блескомъ.

Въ ванной комнатѣ рядомъ кто-то зашевелился.

— Это ты, Марочка?!

— Да, мама, — отвѣтилъ Маркъ, — папа приказалъ, чтобы ванна была готова чѣмъ свѣтъ, я присмотрю за ней.

Онъ растопилъ печку, заглянулъ къ отцу, увидалъ, что онъ спитъ и тихонько прошелъ къ себѣ.

Я сѣла въ кресло у изголовья больного, но почти тотчасъ же встала, не могла сидѣть, не могла оставаться спокойной и не сразу отдала себѣ отчетъ въ томъ, что такъ мучительно и тревожно волнуетъ меня. И вдругъ догадалась. Почудилось, что притаившаяся въ комнатѣ тишина какъ будто становилась еще тише, и въ этомъ нарастаніи тишины было что-то зловѣщее, пугающее.

Я бросилась къ постели и привычнымъ жестомъ положила руку на грудь: рука не ощутила бѣненія сердца. Я откинула одѣяло и приложило ухо къ груди: бѣненія были медленны, едва слышны, вдругъ усилились, участились, опять стали затихать, сошли почти на нѣтъ. Заглянула въ дверь Груша; я сказала, чтобы она принесла бутылки съ горячей водой, — обыкновенно ихъ клали больному къ ногамъ, которыя остывали каждый разъ, какъ падала дѣятельность сердца. Но ноги оказались горячими. Это нѣсколько успокоило меня и уже совсѣмъ обрадовало и ободрило то, что Анатоль проснулся и сказалъ:

— Вы думаете, у меня остыли ноги? Ногамъ совсѣмъ тепло, но зато голова у меня холодная, на темени точно кусокъ льда.

Мы налили кипяткомъ пузырь и, завернувъ въ полотенце, положили ему на голову.

— Такъ очень хорошо, — сказалъ онъ, — вотъ теперь мнѣ всему тепло и, мнѣ кажется, я опять засну.

Домъ просыпался. Поднялись дѣти. Груша принялась поить ихъ въ столовой чаемъ.

Тамъ, сдерживая свои буйные порывы, клокотала мятущаяся, молодая жизнь...

Не знаю, сколько времени прошло. Вдругъ вошелъ Маркъ, постоялъ въ дверяхъ и сказалъ:

— Мама, вы бы пошли на минутку къ дѣтямъ. Давайте я посижу за васъ.

Я уступила ему свое мѣсто. Но не прошло и 20 минутъ, какъ Маркъ позвалъ меня.

— Мама, останьтесь около папы. Онъ трудно дышитъ. Я сейчасъ позво-
ню къ доктору.

Сыновья Лемана Артемій, Иванъ и Варваръ.

Маркъ долго съ нѣсколькими врачами разговаривалъ по телефону, пока, наконецъ, одинъ изъ нихъ не отвѣтилъ, что одѣвается и сейчасъ же ѣдетъ.

Я стала растирать больному грудь, давала ему нюхать эвиръ.

Онъ очнулся, раскрылъ глаза.

— Хотя бы поцѣловать Лидочку. Уже болѣе недѣли дѣвочка въ училищѣ.

— Хочешь, я сейчасъ спрошу по телефону?

— Да, спроси.

Груша позвонила въ Императорское Театральное Училище, въ кото-
ромъ учится наша младшая дочь. Ей отвѣтили, что она можетъ немедленно
пріѣхать за сестрой.

Леманъ былъ уже опять въ забытьѣ, но какъ только я его окликнула, онъ раскрылъ глаза, взоръ которыхъ былъ еще ясенъ и полонъ сознанія, и спросилъ:

— Пустятъ?

— Да, Груша поѣхала за ней.

Онъ облегченно вздохнулъ и закрылъ глаза. Потомъ пришелъ Маркъ и сказалъ:

— Пора дѣлать искусственное дыханіе, мама.

Молча и машинально стала я повторять его движенія. Вдругъ онъ опустилъ руку отца, я сдѣлала то же, и въ тотъ же моментъ Леманъ поднялъ обѣ руки, соединилъ ихъ, прижалъ къ груди, весь вытянулся и тихонько, чуть слышно вздохнулъ...

Точно очнувшись отъ оцѣпенѣнія, заговорилъ Маркъ, и почему-то слова его мнѣ показались неестественно громкими, точно онъ не просто сказалъ ихъ, а закричалъ:

— Мама, пріѣхалъ докторъ, идите примите его.

Я прошла въ другую комнату, и въ ней дѣйствительно встрѣтила доктора, который прямо прошелъ туда. Почти одновременно съ нимъ пріѣхали дѣвочки и побѣжали въ комнату отца.

Я тоже хотѣла идти за ними. Вдругъ до слуха моего донесся страшный, потрясающій, нечеловѣчскій крикъ, вопль раненаго на смерть, истекающаго кровью животнаго.

Я бросилась на этотъ крикъ. Это билась въ истерикѣ Груня.

Я поняла...

Онъ ушелъ отъ насъ въ иную, свѣтлую жизнь, въ которую убѣжденно и беззавѣтно вѣрилъ.

Трудно и тяжело жилось ему, но жизнь онъ любилъ и благодаренъ былъ судьбѣ за то, что не лишенъ былъ того счастья.

Чтобъ хоть одна съ родного неба

Намъ улыбалася душа,

Когда мы бьемся изъ-за хлѣба

Въ кровавомъ потѣ, чуть дыша...

Родныя души окружали его. И это же счастье летѣло къ нему изъ глубины сердецъ всѣхъ тѣхъ, кому доступно было понять и оцѣнить его и, встрѣтятся съ нимъ на земномъ пути, признать въ немъ генія и поклониться ему.

Маркъ Басанинъ.